

Книга первая

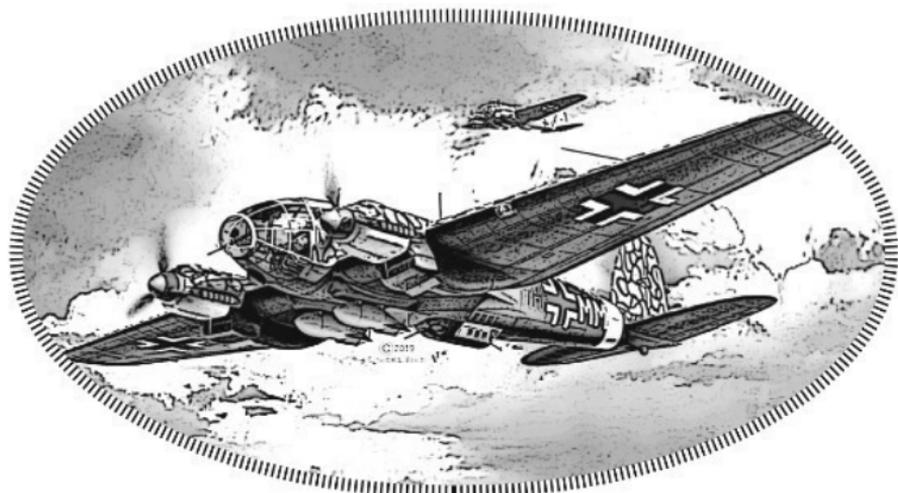
Вместо предисловия

«Поздним вечером 4 ноября 1941 года командир звена 26-го истребительного авиаполка младший лейтенант Алексей Тихонович Севастьянов патрулировал воздушное пространство на подступах к Ленинграду на истребителе И-153. Около десяти вечера начался налет немецкой авиации. Во время авианалета один из бомбардировщиков, “Хейнкель-111”, сумел прорваться сквозь огонь зенитной артиллерии к городу. Расстреляв весь боезапас, Севастьянов принял решение идти на таран и, приблизившись к He-111 сзади, отрубил винтом хвостовое оперение немецкого бомбардировщика. Подбитый “хейнкель” упал в районе Таврического сада. Немецкий пилот, выбросившийся на парашюте, был найден и взят в плен. Сам Севастьянов также сумел покинуть поврежденный самолет и приземлился на парашюте...»

Из ленинградских газет 1941 года.

Глава первая

Ночной Бой

Тихой тенью скользил питерский подросток Сенька по ночному ноябрьскому городу. Снег ещё не выпал, но было уже зверски, по-зимнему холодно. Великая северная столица застыла в недоуменном ожидании, всё ещё не понимая всей глубины навалившегося на нее ужаса блокады.

Повизгивая от холода и предчувствия серьезной взбучки дома, ибо он чудовищно, непростительно опаздывал, бежал Сенька мимо смутных силуэтов Смольного собора. Путь его лежал от меховой фабрики «Рот-Фронт» домой, на улицу Красной Связи, что в прошлом звалась Виленский переулок.

Остался справа смешной маленький дворец в стиле петровского барокко со смешным названием «Кикины палаты», но невеселой, правда, историей его первого хозяина, адмирал-советника Александра Васильевича Кикина. Царь Пётр много чего прощал друзьям детства, но только не измену.

Жилистый Кикин прожил на колесе почти сутки и серым мартовским утром, когда император проезжал мимо лобного места, смог всё же таки просипеть на последнем издыхании:
– Вели добить, Государь...

Не поворачивая головы, хмурый Пётр Алексеевич бросил бывшему бомбардиру своего потешного полка: «Не до тебя, иуда, подыхай своим чередом...»

Впереди слева замаячил желтый силуэт Таврического дворца с прилегающей к нему темной громадой сада. Сеньке нужно было срочно принимать стратегическое решение – каким же путем бежать дальше? Вариантов у него, собственно говоря, было раз-два и обчёлся: либо продолжать свой бег по Шпалерной и, добежав до Таврической, повернуть налево, либо рвануть через сад по диагонали. Второй сценарий сулил Сеньке солидный выигрыш во времени – минимум минут пятнадцать, а то и двадцать...

Сад был исхожен им сотни раз: зимой, когда на замерзших прудах кипела каточная жизнь; осенью, когда школьников водили собирать листья и желуди; а особенно летом, ко-

гда его наполняли толпы мальчишек, промышлявших ловлей мальков и головастиков, кишмя кишевших в канавах и прудах. Во все времена хорош был сад, созданный по высочайшему пожеланию и собственному проекту светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического и именовавшийся так, соответственно, в его честь. Одержимая страстью к процессу переименовывания новая власть сделала пробную попытку одарить сад новым именем – Трудовой парк. Но истинные петербуржцы, проснувшиеся январским утром двадцать четвертого года уже ленинградцами, продолжали называть сад Таврическим. Тихое упорство населения было непобедимо, и, сделав ещё несколько вялых попыток, власть отступила. А потом и вовсе плюнула. Так сад и остался Таврическим...

Хорош и любим был сад Сенькой. Но сегодня, в тишине ноябрьской ночи, темнота огромного пространства вдруг внезапно испугала его. Остановившись на углу Таврической и Тверской, прямо напротив удивительного витиеватого здания, прозванного «Дом с башней», он с минуту прислушивался к молчанию сада в надежде услышать хоть какие-нибудь обнадеживающие звуки. Уловить хоть какие-то признаки жизни. Но тщетно! Сад, напоенный жизнью при свете дня, безмолвствовал...

Ах, если бы не опаздывал он столь безнадежно! Дал бы сейчас Сенька кругалю по улицам, да и дело с концом. Но, увы, сегодня он превысил все допустимые пределы, и дома

уже наверняка сошли с ума от беспокойства...

Клей, клей, клей! Чертов клей, будь он трижды неладен! Чертов авантюрист Лёнька, соблазнивший его проектом варки клеевого студня! Голод ещё не вступил по-настоящему в свое страшное, продлившееся почти два года владычество над Городом. Он только слегка разминал свои костлявые пальцы, сладострастно потягиваясь и предвкушая грядущую забаву. Но и этих первых признаков хватило, чтобы заставить даже самых легкомысленных с нарастающим ужасом задать себе не имеющий ответа вопрос: «Что же мы будем есть завтра?»

Внезапно и неведь откуда появившаяся идея студня из клея вовсю витала в воздухе: из клея обойного, клея столлярного, клея костного и мездрового, сиречь желатинового. Весь голодный город просто бредил клеевым студнем. Всё было вроде бы предельно логично: клей, желатин, студень...

Кузен Лёнька клялся, что и видел и даже пробовал божественный продукт, изготовленный из обрезков кожи умельцами из бывшего ремесленного, работавшими на меховой фабрике «Рот-Фронт», что располагалась прямо за Смольным. И изрядно изголодавшийся Сенька, обладавший прекрасным воображением и пятеркой по химии, не заставил себя долго убеждать. С точки зрения научной клеевая авантюра казалась ему абсолютно правильной, ибо желатин есть продукт денатурации коллагена – самого распространённо-

го белка в теле человека и других млекопитающих. Красивое слово «коллаген» и другие познания Сенька почерпнул в методичке по биохимии для студентов фельдшерской школы. Стопка методичек была щедрым подарком ушедшей на фронт соседки. И перед тем как отправить очередную черно-белую брошюрку в жадное чрево буржуйки, Сенька иной раз проглядывал ее содержание. Цитата: «Коллаген – структурный белок, составляющий основной каркас соединительных тканей нашего организма», – неожиданно заинтриговала его...

Оказалось, что кожа, кости, хрящи и сухожилия со связками – вся эта Творцом созданная соединительная ткань, эта формирующая человеческий, да и не только человеческий, костяк база процентов на девяносто и есть чудесный белок коллаген. А молекулы его, свернутые затейливо тройной спиралью, соединяясь в причудливые комбинации волокон и волоконцец, дают нам многообразие конструкций различных органов и тканей типа ахиллесова сухожилия или коленного хряща...

«Вот те на!» – думал Сенька – вот и и получается: вроде бы варит себе хозяйка новогодний холодец, а по сути производит она термическую экстракцию желатина из телячьих ножек! Или свиных. Хорошо ещё добавить уши. И хвосты. Копыта тоже пойдут... Или копытца, если теленок... И вообще, все костно-хрящевые части хороши, все...

Их, правда, топором рубить надо, но как же они хороши

в холодце! Чудо как хороши! Воспоминания о куриной косточке с хрящиком, который в бывшей жизни иной раз брезгливо отбрасывался, вызывали у него теперь обильное слюноотделение вперемешку с ностальгией о несъеденном...

Двоюродные братья решили объединить усилия: Сенька привносил хорошие руки и навыки начинающего химика, Лёнька – исходное сырье и производственные помещения. Его отец до ухода на фронт был заведующим мастерской по ремонту обуви при фабрике, и запасной ключ от мастерской открывал кузенам доступ к запасам клея, обрезкам кожи, остаткам мездры и многим другим потенциальным компонентам будущей желатиновой амброзии.

Главное – это правильно наладить процесс, думалось молодым предпринимателям. Воспаленное воображение уже рисовало им густую янтарную массу, несущую сытость и уверенность в завтрашнем дне. Реальность, увы, принесла лишь обожженные пальцы, тошнотворную вонь и разочарование. Теоретически они были на правильном пути, эти братья-клеевары... Но подвели слабое знание коллоидной химии и несовершенная технология.

«The devil, – как говорят в таких случаях англосаксы, – is in the details...» Вообще-то, читатель, это немецкая народная мудрость, но суть ее от этого не меняется: дьявол, действительно, частенько кроется в мелочах...

Гнусно завывала сирена. Похоже, начинался воздушный налет. Выхода не было, и Сенька, тоскливо втянув голову в плечи, выдохнул и протиснулся в темноту небольшой щели между железной решеткой ограды и желтой стеной дворца.

Протоптанная тропинка вела мимо заброшенного туалетного домика, весьма легкомысленного строения в стиле советского барокко, к центральному пруду. Пробежав пару минут, он остановился.

Прямо перед ним, на противоположном берегу, сизым силуэтом возвышалась в холодном ноябрьском ночном воздухе громада Таврического дворца. Построенный светлейшим князем Потёмкиным в пику всему свету, Таврический почему-то всегда странно волновал Сеньку. С той самой минуты, когда взятый домашними на чердак и там приобщенный к таинствам чердачного «бельеразвешивания» впервые увидел он эти сказочные, ни на что не похожие стекла оранжерейной крыши. В волнении прижал он мокрую ещё после стирки наволочку к лицу, и теплый запах свежестыранного белья навсегда вошел в его сознание связанным с хрустальным сиянием Таврического дома-дворца. С тех пор всегда казалось Сеньке, что сокрытая от глаз и ушей непосвященных таинственная жизнь никогда не прекращается за непроницаемыми волшебными окнами...

Вот и сейчас, когда, прервав на мгновенье свой ночной бег, застыл он на небольшом холмике над прудом, глядясь в грязно-желтую в ночи громаду, Сенька был готов по-

клясться, что, как всегда, происходит там какое-то постоянное движение, какая-то вечная возня – ну, что-то вроде театра теней...

Нависая над ноябрьской темной водой, дворец был чем-то сюрреалистическим, совсем не вписывающимся в страшную реальность блокады. Мелко подрагивая от новой, внезапно накатившей волны холода, теперь уже с оттенком сырости и потому особенно непереносимого, как замороженный, смотрел Сенька на лучи прожекторов, которые бесчинствовали, дрожа и пересекаясь в осеннем небе. Иногда, внезапно попадая на многочисленные поверхности оранжерейных стекол, лучи эти отражались самым невероятным образом, как будто были участниками какого-то сложного оптического эксперимента...

«Дифракция и интерференция» – как два тяжелых пузыря, слепленных из сырого серого теста облаков, всплыли из недр его подсознания слова старого учителя физики. Тяжело так всплыли и торжественно лопнули один за другим, с тугим тягучим треском. Сенька понял, что это заговорили зенитки, и поднял голову.

Там, наверху, однако, творилось что-то странное. Прожектора терзали ночное небесное месиво, освещая его изнутри тревожно-желтым светом. В раскатах грома, в отблесках тускло-оранжевого пламени на город многоглавым Горынычем плыла эскадра.

Это было, кстати, ужасно красиво. То есть, и ужасно, и

красиво одновременно.

...В кожаной куртке с меховой подкладкой, небрежно поставив аристократически длинные ноги в летных ботсах на педали управления, поздним вечером четвертого числа осеннего месяца ноября командир головного отряда бомбардировочной эскадры «Генерал Вевер», обер-лейтенант Ульрих фон Ротт вел свой «Хейнкель-111» на ночную бомбардировку Ленинграда...

Обтекаемый стеклянный купол бомбардировщика бодро резал сырой балтийский воздух. Кабина пилота, плавно вписанная в обводы фюзеляжа, была для Ульриха персональным рабочим кабинетом последние три года – с того момента, когда барон фон Ротт перешел из авиации истребительной в авиацию бомбардировочную. Приветливое зеленое помаргивание приборов неизменно приводило его в состояние душевного баланса и покоя. А прорывающееся сквозь монотонный шум моторов похрапывание бортстрелка-радиста Ганса Штолце, устроившегося, как в люльке, в подфюзеляжной гондоле с пулеметной установкой, создавало в кабине какую-то атмосферу уюта и комфорта. Ну, прямо как в купе пультмановского вагона поезда дальнего следования.

Четырнадцать тонн металла, стекла, резины и пластмассы вперемешку с двумя тоннами бомбового груза и пятью человеческими телами, затянутыми в кожу и меха комбинезонов, несущиеся на высоте шесть тысяч метров над ночной

Балтикой, были победой не только германского инженерного гения, но и тевтонской военной хитрости, ибо одним из условий Версальского подлого договора был полный запрет на военную авиацию в Германии...

Навалившиеся всей своей сопящей европейской тушей победители Первой мировой жестоко и расчетливо отнимали у Германии кусок за куском. Завоеванные в бешеной средневековой грызне земли и воды отошли назад, к вечным соперникам-шакалам: Франции, Бельгии, Польше... Генеральный штаб был распущен, военные академии и училища закрыты. Любое производство и приобретение оружия запрещено. Запрещена была даже посылка военных миссий за рубеж. И тридцать три миллиарда долларов – выплата репараций!

– «Позор!.. Was für eine Schande, meine Herren!» – глаза старого барона Готфрида фон Ротта 11-го, обычно бледно-голубые, как блеклое прусское небо, опасно краснели, наливаясь дурной капиллярной кровью.

В эти драматические минуты двенадцатилетний Ульрих с интересом юного натуралиста наблюдал за внезапными и потому особенно драматичными изменениями в дедовском лице.

– Вудро хренов Вильсон! – багровея, барон становился похожим на некоторые иллюстрации из десяти томного анти-

кварного издания «Жизнь животных» Брема, которым Ульрих фон Ротт зачитывался в отроческом возрасте. Особенно томом третьим, охватывающим орнитологию.

Всё связанное с полетами стало волновать Ульриха с того момента, когда его отец, барон Рихард фон Ротт, «весело перешел в небытие», рухнув в своем горящем «фок-кере» в цветущую лаванду пикардийских холмов. Сбитый английским асом ясным апрельским утром 1918 года отец остался в памяти Ульриха запахом машинного масла, кожи и кельнской воды на белом шелке летного шарфа. Он очень хорошо помнил крепкие холеные руки, бережно держащие трехлетнего его. Выпуклые светлые глаза. Мощные челюсти в оскале улыбки. А вокруг – отцовские друзья – совсем молодые немецкие лица, уже успевшие загореть на раннем весеннем солнце, светлоглазые, улыбающиеся своей молодости, с тростями и шарфами, сами ещё почти дети, но уже «герои и очаровательные франты»...

Первые и последние рыцари тогда совсем ещё юной своей прекрасной дамы – Авиации.

Внезапное изменение обертонов храпа бортстрелка-радиста отвлекли Ульриха от воспоминаний. Славный баварец Ганс, заворочавшись на специальном матрасике, расстеленном на стеклянном дне подфюзеляжной гондолы, как-то особенно лихо всхрапнул и ещё крепче обнял пулемет калибра

7,92 мм – стандартный боекомплект для «Хейнкеля-111».

«Да, многое изменилось в воздушной войне с тех пасторальных времен!» – пофилософствовал про себя Ульрих, невольно вспоминая моменты, когда обычно добродушный Ганс начинал увлеченно крошить бегущую внизу людскую массу из своего крупнокалиберного «дружка», рыцарством тут, пожалуй, и не пахнет...

Генерал Вальтер Вевер, имя которого носила четвертая бомбардировочная эскадра, неуклонно несущаяся к блокадному Ленинграду, был первым начальником штаба Люфтваффе. Он попал в министерство ВВС Германии в 1933 году совершенно случайно. Блестящий армейский офицер, он не имел никакого опыта войны в воздухе, но вынашивал идею стратегических бомбардировок с мрачной убежденностью пехотинца, на своей шкуре испытавшего всю мощь и ужас бомбовых атак с воздуха во времена Первой мировой...

Однажды, жуткой осенней ночью, на глазах Вевера, тогда ещё совсем молодого лейтенанта, российский тяжелый бомбардировщик «Илья Муромец» превратил в пыль четыре казармы в глубоком германском тылу, сбросив всего две бомбы. Чудовищной, правда, мощности по тем временам: четырёста с гаком килограммов каждая...

С той памятной ночи и навсегда его идеей фикс стала

дальнобойная пикирующая авиация. Парадокс, но он погиб в авиакатастрофе, этот пехотный начальник штаба Военно-воздушных сил Третьего рейха. И его детище – программа по созданию «Ural-Bomber» – мощного тяжелого супербомбардировщика, способного нести огромный бомбовый груз от Берлина до Урала, была закрыта, ибо большинство лидеров Военно-воздушных сил рейха были летчики-истребители, асы Первой мировой. И мысль о том, что тяжелый бомбовоз может стать элитой германской военной авиации, была для них тогда так же противоестественна, как и нелепа.

А вот построй тогда Германия «Ural-Bomber», кто знает, как бы оно всё закончилось...

И тем не менее «Хейнкель-111», эта рабочая лошадь Люфтваффе, на которой Ульрих вот уже три года бомбил города Европы, был создан. «Хейнкель» начали проектировать как двухмоторный бомбардировщик в 1934-м. Втихаря, естественно, так как версальские ограничения всё ещё висели над Германией. Инженеры-проектировщики весьма искусно делали вид, что разрабатывают скоростной транспортный самолет. Ничего военного. Картошку возить и абсолютно мирных немецких граждан. В общем, немецкая гражданская авиация. Желтый журавлик в голубом германском небе. Одним словом – Люфтваганза...

Первый пробный вылет был совершен в 1935 году, а уже через два года рабочая модель была на вооружении легиона

«Кондор», а это, читатель, уже Люфтваффе. Два мотора по восемьсот лошадиных сил каждый, три пулемета на борту и боезапас весом в две тонны. Такая вот метаморфоза. На журавля уже не похоже, скорее, реальный кондор...

...Видел ли ты, читатель, полотно Пабло Пикассо «Герника»? Наверняка видел, а если нет, посмотри любопытства ради. Мировой шедевр. Герника – это городок такой, совсем небольшой, на севере Испании. Всего-то шесть тысяч населения. 26-го апреля 1937 года легион «Кондор» три часа с садистским упорством бомбил несчастный городок... Ох как тут наши «хейнкеля»-то пригодились! Поработали на славу. Трети населения – как не бывало. После налета горела Герника ещё трое суток...

Гражданская война в Испании стала для Ульриха, равно как и для всего люфтваффовского молодняка, прекрасным полигоном. Им был дан полный карт-бланш на импровизацию. И отработанные в «безоблачном небе» Испании атаки авиазвеньев по типу воздушной «тевтонской свиньи» и всяческие тактические трюки, в особенности многочисленные вариации на тему бомбометания с пикированием, позволили Люфтваффе добиться удивительных успехов во время европейского блицкрига. Но с Россией получалось как-то иначе. В России немцы познали Его Величество – Таран...

Дракон многоглав. Его бурая туша испещрена зловещими знаками свастик, как лицо маорийского вождя ритуальными татуировками каннибала. Страшных лап не видно, они поджаты под выпуклым брюхом. Крылья мощно расправлены. Под крыльями спрятана смерть. Тысяча килограмм смерти под каждым крылом. Смерть облечена в гладкую обтекаемую металлическую оболочку. У нее маленький, элегантный забавный хвостик для придания особых аэродинамических свойств. Ах, как азартно мчится смерть зловеще-жужжащим роем вниз! Как задорно и жизнерадостно тараторят на ходу члены веселой этой ватаги: «А вы знаете, мой корпус вытачивал сам мастер Дрехер! Он – лучший мастер во всей Тюрингии! А мой стабилизатор мастерил сам мастер Шлоссер! Он – лучший слесарь во всей Нижней Саксонии!» Беззаботно болтая и бахвалясь, выбирает страшная стая в своем неумолимом падении, как же ей позабавней исполнить свой жуткий долг на этот раз. Можно просто ударить в крышу и зажечь ее, превращая человеческое жилище в веселый костер. Можно стальной иглой прошить дом до первого этажа или, ещё лучше, до подвала, и взорваться там, разрушая эту многоэтажную жардиньерку, как карточный домик. А если любишь вид и запах крови, можно рухнуть прямо в людскую толпу, превращая ее в ревушую от ужаса и боли биомассу.

Способов много. Выбирай любой. Дракон любит вас всех.

Подслеповато поблескивая глазками фюзеляжных стекол, он неумолимо плывет в оранжевом облаке, изредка, как бы

лениво изрыгая огненные брызги пулеметных струй. И жалкие в своих тщетных попытках хлопки зенитных орудий не могут остановить его страшное движение под надрывающий душу триумфальный марш стонущих от радости убийства моторов.

«Ах, как же всё это страшно красиво, – затаив дыхание думал Сенька, замороженно глядя в небо, – то есть и страшно и красиво одновременно... Как же это может быть?» Но тут его размышления на тему этой небесной феерии были внезапно прерваны одним действующим лицом. Как чертик из табакерки, из мутной тьмы ленинградского неба на пойманную прожекторами громаду «хейнкеля» выскочил маленький самолетик и весело засеребрился в лучах дружелюбных прожекторов.

Его «курносый» силуэт узнавали все ленинградцы. Это был И-153 – истребитель конструкции Поликарпова, основной тип советского истребителя начала войны, любовно прозванный в народе «Чайкой».

Пилот самолетика, младший лейтенант 26-го авиационного истребительного полка Алеша Севастьянов, к тому моменту уже отстрелял весь боезапас и теперь, зависнув над ярко освещенной прожекторами тушей «хейнкеля», судорожно соображал, что же делать дальше. Его появление в непосредственной близости вызвало у команды бомбардировщи-

ка легкое оживление, но не более.

Сквозь стекло слегка подсвеченной изнутри зеленым светом приборов кабины Алеша сумел разглядеть красивое лицо пилота, смотревшего на него с интересом энтомолога, увидевшего редкий подвид чешуйчатокрылого насекомого. Потом лицо скривилось в холодной гримасе улыбки и что-то сказала. В тот же момент за стеклом гондолы появилась весьма объемистая харя стрелка-радиста и сделала губами и пальцами «пуф-пуф». После чего харя расплылась в улыбке, отчего стала ещё шире, и начала медленно разворачивать свой ствол в его сторону. Пилот же надменно кивнул, отдал ему полушутливо честь и отвернулся, всем своим видом как бы показывая, что русского для него больше не существует.

– Ну ты и сука! – возмутился Леша и, тормознув, пропуская под собой внушительную махину «хейнкеля», врубился винтом в его хвостовое оперение...

Открыв рот, Сенька смотрел, как самолеты, сцепившись вместе, летели так несколько секунд в фантазмагорическом па воздушного ночного танго. Потом малыш И-153 отвалил в темноту, как пресытившийся партнер, а тяжелый огромный «хейнкель» растерянно клюнул стеклянным носом и очень-очень медленно, но неудержимо начал свой последний путь к холодной ленинградской земле. Его моторы уже не ревели, а жалобно и заунывно выли. Сеньке на секунду даже послышалось, что моторы не просто воют, а издают ка-

кой-то собачий то ли вой, то ли визг. Он потряс головой, отгоняя слуховую галлюцинацию и вдруг краем глаза заметил собаку, вернее, собачку. Маленькую элегантную, светлой масти собачку, стоявшую шагах в двадцати от него, на небольшом плавно возвышавшемся холмике.

Собачка внимательно посмотрела на Сеньку, подняла мордочку к небу и издала странный звук – действительно, нечто среднее между визгом и воем. Это было чудом! Встретить животное в блокадном городе было практически невозможно. Ну, разве что крыс, которых пока ещё не ели. Сенькино сердце тяжело застучало.

– Кис, кис, – сказал он внезапно осипшим голосом, – иди сюда, собаченька...

Собака дружелюбно вильнула хвостом и переступила лапками на месте, но к Сеньке не пошла. Совесть ещё пыталась своими слабыми уколами пробудить в нем что-то типа милосердия, но рот был уже напоен вязкой слюной, и в животе глухо бурчало.

– Иди сюда, маленькая, – ненавидя подлость своего голоса, пропел он, сглатывая.

Но собачка не шла. Переминалась на месте и смотрела на него умными маслинками глаз. И тогда Сенька, почему-то на корточках, стал медленно подбираться к ней, протягивая руки открытыми ладонями кверху, ибо теоретически знал, что собакам надо в первую очередь показать, что в руках у тебя ничего опасного нет, и ты не причинишь им вреда. Когда он

достиг вершины холма, собачка, отступив шаг назад, подняла мордочку и завыла. Теперь уже по-настоящему, в голос. И тотчас жуткий хор завыл ей в ответ. Цепенея от ужаса, Сенька поднялся во весь рост и увидел по другую сторону холма притаившуюся в канаве стаю.

Их было семь или восемь. Они были разных пород и размеров. Но их объединяло одно – они более не были «другом человека». И он, человек, более не был их другом. И хозяином. Он был добычей. Брошенные на произвол судьбы в блокадном городе, они выжили и познали вкус человеческой плоти. Сначала вкус неприбранных покойников на улицах и в брошенных квартирах. Потом стариков и детей, имевших неосторожность в одиночку пойти через сад. Так человек из хозяина и друга стал едой...

Сенька в жалкой мольбе посмотрел на белую собачку – виновницу происходящего – и натолкнулся на смеющийся взгляд ее странных темных глаз. Он был готов поклясться, что она ухмылялась совсем по-человечески... Да нет, не может быть, – подумалось ему, и сделалось уже совсем страшно, – пожалуй, глядела-то она как-то «не по-человечески»...

– Ну, что? – как бы говорил этот взгляд, – сожрать меня хотел, дружище? А теперь будешь сожран сам! Так что уж – уволь...

Карликовая итальянская борзая по кличке Изида, известная также как левретка, была счастливейшим из псовых в

Смольнинском районе города Ленинграда до 4 октября 1941 года. В тот день ее хозяйка Лиля Комарова, жена главного инженера ленинградского завода «Штурманские приборы», уезжала в эвакуацию. Изиду, по-простому Изю, как и других домашних питомцев, брать с собой не разрешили.

Утром, перед отъездом, Лиля вывела ее в сад и спустила с поводка. Когда эйфория бесповодочной жизни улеглась, набегавшаяся всласть Изя нагнала торопливо уходящую Лилю почти у самого выхода, и той пришлось опять отвести ее вглубь сада. Так повторялось три раза, а на четвертый Лиля привязала ее к скамейке и, не поворачиваясь, убежала, вздрагивая плечами. Глядя на эти плечи, Изиды всё поняла. Она перегрызла проводок, подняла мордочку к небу и прокляла хозяйку. Как, впрочем, прокляла затем и всех людей, встретившихся ей в этот черный день ее жизни. Всех, покушавшихся на ее тщедушную тушку, ибо, увы, только это, только ее гастрономически сомнительная плоть и привлекала приседающих перед ней на корточки людей с умильными мордами и лживым взором голодных глаз.

Поезд с Комаровыми разбомбили под Любанью, другие, возжаждавшие изидинова тела, закончили тоже, в общем, как-то не очень хорошо. Кроме старика, одиноко мерзнущего на скамейке, в выцветших глазах которого она увидела отсвет уже приближающегося небытия. Он протянул ей ладонь, покрытую хлебными крошками, и, пока Изиды в упоении лизала эту увядшую ладонь, ласкал ее, словно пытался

напоследок напитать себя теплом остающейся жизни. Когда потом она привела к скамейке свою сверкающую голодными глазами и клыками новую семью, старик всё понял и не осудил левретку. Она же отблагодарила его по-царски, подарив быструю смерть. Желтые клыки вожака разорвали сонную артерию за считанные секунды, и пока старик с профилем Плиния тихо не истек кровью, никто не посмел его тронуть. Таков был ее приказ. Приказ царицы. Царицы Изида...

Это странное имя дала ей Лиля. И не просто так. Эмилия Борисовна была помешана на мистике и владела внушительной библиотекой, доставшейся ей в наследство от бабушки «из бывших» – большой поклонницы Елены Петровны Блаватской.

Инженер Комаров тихо трусил, но любил свою, увы, бездетную Лилю бесконечно и потакал ей во всем. Эмилия Борисовна долго не могла смириться со своей судьбой и пускалась во все тяжкие в попытке обрести материнство. Книгу Блаватской «Разоблаченная Изида», изданную в 1877 году, она держала постоянно на тумбочке рядом с кроватью. По рассказам бабки – это был первый тираж в тысячу экземпляров, распроданный в течение двух дней. На титульной странице было написано: «Автор посвящает это произведение Теософскому обществу, основанному для изучения предмета оккультных наук и истории их развития, кои и рассмотрены в этой книге». Далее, на 670 страницах один из вели-

чайших мистиков современности Блаватская излагала свои соображения о природе и происхождении магии, религии и разнообразных эзотерических учений. Тех тайных учений, природа которых хотя и «весьма сомнительна, но чрезвычайно обольстительна» для нас смертных, ибо дает утвердительные ответы на многие мучающие нас вопросы.

Бабка, не раз бывавшая на сеансах Елены Петровны, вспоминала интереснейшие вещи. По ее рассказам, Блаватская порой как бы одалживала свое тело группе адептов, а сама переходила к другой деятельности, но уже в другом теле, в астральном...

«Злоупотребление сокровенным знанием есть колдовство; применение во благо – истинная магия», – повторяла бабушка слова самой Блаватской. Всё это было безумно, безумно интересно. Но после тридцати Лилию стал мучить совсем другой вопрос, почему же у нее нет детей.

Она знала почти всех богинь плодородия всех времен и народов древности: Иштар, Истар, Астарт, Ашер, Ашерат, Ашера, Аштарг, Аштерат, Ашерах, Атаргатис, Ашторет, Ашторот, Аштерт, Ануит, Ану, Анат, Нана, Инана, Астар, Исдар, Эстер, Тара и, наконец, Изида. Та самая Изида – известная под многими именами... Астральное божество Месопотамии, Аккадского царства, Вавилона и Шумера, Египта, Иудеи и даже Греции. Дочь Эля, супруга Баала, а у древних семитов и самого Яхве!

Голова у Лили шла кругом, когда она пыталась своим умом тридцатилетней «эмансипе» начала двадцатого века, пережившей несколько революций, включая революцию сексуальную, скорее всего и одарившую ее бесплодием, понять, каким же образом Астарта – богиня утренней зари – была превращена патриархами в двуполого монстра и даже трансформирована, не к ночи будет сказано, в самого падшего ангела Люцифера...

Отрываясь от текста, Лиля смотрела безумными от бессонных ночей над книгами глазами на мужа и спрашивала: – Ты хоть что-нибудь понимаешь, Боря?

Но спрашивать, скорее всего, нужно было не у продавшего с детства душу формулам и цифрам, а потом перепродавшего ее строителям светлого будущего всего человечества главного инженера завода «Штурманские приборы» Бориса Васильевича Комарова. Увы, у урожденного раба Божия Борислава ответов на такие вопросы не было...

Ответ Лиля, возможно, могла бы получить из другого, более компетентного источника. Изида, постоянно присутствующая при чтении всей этой разнообразной эзотерики, пристально и неотрывно следила за своей хозяйкой. Вернее, за той, которая считала себя ее хозяйкой. Изредка встречаясь взглядом с Лилей, она тут же прикрывала веки, чтобы не выдать себя случайно «сиянием неуголенных глаз». Инженер Комаров, иной раз чувствуя себя весьма неуютно под ее тя-

желым взглядом, начинал мельтешить и заискивать в надежде задобрить псинку. Но тщетно. Изида презирала инженера. Она любила Лилю. Лилит, как ласково называла она ее про себя. Имя это мало что говорит человеку непосвященному, а посвященному говорит, наверное, слишком много...

Лилит – та самая первая жена Адама, покинувшая его, упоминается и в каббалистической Книге Зогар, и в свитках Мертвого моря, и в некоторых ранних апокрифах – как Нового, так и Ветхого Заветов, не вошедших в библейский канон. Три ангела были посланы Создателем вдогонку. Они настигли беглянку на краю света, но Лилит не пожелала вернуться к мужу, так как считала себя таким же Его творением, как и Адам. А может, и более совершенным... В наказание она была превращена в бесплодного демона, убийцу новорожденных, а также...

А, впрочем, читатель, почитай-ка ты сам, только не на ночь глядя, особенно если не женат... Апокрифы эти, хотя и являются запрещенными для чтения в церкви, но всё же всю читаемы, и дают нам кое-какие намеки и мысли.

В общем, не оставь Эмилия Борисовна свою левретку в тот злополучный день в саду, быть может, и получила бы ответ на свой вопрос. И, быть может, не один. Кто знает... кто знает... Ведь не просто же так назвала она ее Изидой...

Изида переступила лапками на месте и тяжело, со значением, посмотрела на мальчишку, давая ему понять, что вре-

мя, отведенное на прощание с жизнью, истекло. Странный был этот взгляд, странный, совсем не собачий...

Потом раздался надрывающий душу вой. Как будто завывала разом вся стая. Сенька опустился на землю и закрыл глаза руками. Вой нарастал. Потом гигантская тень падающего бомбардировщика накрыла и Сеньку, и собак, и, казалось, весь сад.

Страшный удар сотряс землю...